

Политическая картография

Николай Малишевский

Традиционное определение, закрепленное Международной картографической ассоциацией, называет картографию наукой о картах как особом способе изображения действительности, их создании и использовании [1]. Картография общедисциплинарна. Соответственно, политическая картография — как одно из ее научных направлений, имеет не меньше прав на существование, чем такие направления современной картографии, как экономическая картография, геофизическая и др.

Политическая картография — это разновидность картографии общественных явлений, тематически отражающая посредством картографических изображений как пространственных образно-знаковых моделей политические процессы, явления и системы и их размещение, свойства, взаимосвязи и изменения во времени.

В политической картографии можно выделить два основных подхода:

- I) Информационно-географический;
- II) Пропагандистско-идеологический.

В рамках этих подходов можно выделить три уровня:

методологический (технологический), обеспечивающий тематическое наполнение и использование картографической продукции;

хронологический (исторический), символически-визуально задающий через порядок следования фактов и явлений направленность процессов, поскольку мы живем в мире, будущее которого создаем сами;

мировоззренческий (идеологический), формирующий благодаря различению процессов и явлений видение общей картины.

Политическая карта — математически определенная, пространственная обобщенно-знаковая модель, воспроизводящая часть явления в схематизированной (генерализованной) и наглядной форме, являющаяся одновременно:

- средством исследования явления
- предметом исследования (в виде модели явления)

Картографическая модель отражает в политической сфере внешние формы и сущность явлений, их:

- пространственные изменения;
- временные изменения;
- перемещение в пространстве и времени.
- Цели моделирования:

- изучение и приобретение новых знаний (с исследовательскими и научными целями)
- пропаганда политических идеологием (реализация и передача информации с политическими целями)

Политическая карта — математически определенная, пространственная образно-знаковая модель, воспроизводящая часть политического явления в схематизированной (генерализованной) и наглядной форме, являющаяся одновременно средством исследования явления и предметом исследования (в виде модели явления).

Картографическая модель отражает в политической сфере внешние формы и сущность явлений, их:

- пространственные изменения;
- временные изменения;
- перемещение в пространстве и времени.

Цели моделирования:

- изучение и приобретение новых знаний (с исследовательскими и научными целями)
- пропаганда политических идеологием (реализация и передача информации с политическими целями).

Политическая и историко-географическая карта и атлас являются одним из ключевых и весьма действенных инструментов, формирующих мировоззрение. Они могут не только отражать, но и оказывать активное влияние на политические процессы, системы и явления через:

- ресурсы глобальной сети интернет,
- средства массовой информации,
- политизированные издания,
- издания учебного характера.

Картография и картографические методы визуально закрепляют и доводят до массового сознания версию истории и идеологии (под которой в данном случае понимается часть мировоззрения, ориентированная на социальные явления и отношения).

Картографическая версия может быть:

1) Главенствующей, то есть официальной, доминирующей и массово тиражируемой в данное время.

2) Предпочтительной для политической «элиты» — правящей, оппозиционной или находящейся в конфликте с соседями. В этом случае картографические методы/продукты используются как средство навязывания, в том числе манипулятивными приемами, субъективного восприятия реконструируемой «реальности» и могут:

а) способствовать трансформации парагосударственности колоний, протекторатов и прочих зависимых территорий в формат суверенной государственности;

б) формировать и задавать вектор диверсификации государственного суверенитета как на путях децентрализации, так и в масштабах многоаспектной локализации и субсидиарности, включающей в настоящее время:

- автономизацию — традиционную и транзитную;
- феноменологию «непризнанной государственности», включающую венчурные формы ее легитимации и поиск иных способов адаптации;
- разнообразие этноконфессиональных, демодернизированных и неоархаичных образований.

Рассмотрим каждый из подходов подробнее.

I. Информационно-географический подход. В данном случае речь идет о попытке отражения с помощью картографических продуктов и формулируемых ими посылов реконструируемой реальности в ее:

- многомерности,
- проблематичности,
- сложности,
- неоднозначности.

Карта и атлас в данном случае позволяют сформулировать, отразить и визуализировать целостность политико-географического субъекта во временном и пространственном выражении, взаимосвязь его административно-управленческих, социо-культурных и хозяйственно-экономических элементов. Помимо прочего, они показывают динамику этнического расселения, историческую и этнокультурную мозаику и многоаспектность реальности. При политическом картографировании ландшафта в фокусе интереса находятся:

- изменение его содержания, образа, состояния;
- императив освоения новых предметных полей, ниш деятельности, оригинальных систем трансляции.

Это научный подход, позволяющий объективно подойти к проблеме и в то же время являющийся по своей сути эффективным средством противодействия не только политико-идеологическому манипулированию с помощью карт в теории, но и действенным орудием урегулирования и предотвращения конфликтов на практике. (В качестве примеров, сравнительно немногочисленных в отечественной картографии, можно привести выходящий под редакцией академика Г.Г. Матишова многотомный «Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков юга России»).

II. Пропагандистско-идеологический подход. Заключается в пропаганде и тиражировании идеологических установок, отражающих намерение символиче-

ского помещения этноса в контекст общих интересов, позиции и исторической траектории большого субъекта или изъятия из этого контекста в результате:

- поглощения одним политико-географическим субъектом другого;
- стимуляции сепаратистских устремлений и тенденций в рамках единого крупного субъекта;
- разжигания розни и отчуждения между соседями.

Картографическое обеспечение объединительных либо сепаратистских тенденций и автономизации или укрупнения территории обычно идет вслед за пропагандистскими кампаниями в информационно-политической сфере. О научном подходе в данном случае речи быть не может. По сути, мы имеем дело с пропагандистско-идеологическими методами воздействия посредством картографической продукции. И карты, и атласы, и методология их изготовления в мировоззренческом плане функционально направлены на решение следующих политических задач:

а) «Вычленение» посредством картографических методов из общей истории единого крупного политико-географического субъекта того или иного малого этноса/социума. В этом ракурсе можно говорить о этноцентризме картографической продукции, фокусирующейся исключительно на пропаганде «исторической судьбы» одной этнической группы.

б) Хронологическая иерархизация ролей в общей истории, позволяющая провести ротацию «коренных автохтонов» и «поздних пришельцев». В данном ключе можно вести речь и о культивации «исторической вины», посредством идеологически акцентированных продуктов в виде картографически сформулированных идеологем [2]. Подобная линейная «причинно-следственность», будучи эффективной и прагматичной, де-факто проводит невидимый водораздел между реальной сложностью мира и методологией его исследования.

в) Символическая связь с «предками», позволяющая считать ареал их расселения своей «исконной» территорией. Иначе говоря, это создание с помощью картографической продукции более-менее связанного визуального повествования об истории одного этноса/ареала, конструируемое:

- в режиме тематической избирательности;
- как событийная система координат, во многом определяющая понимание остальных процессов и роль прочих этнических групп;
- позиционирование прочих этносов/ареалов лишь как фона, контекста заданного мейнстрима, который можно игнорировать либо трактовать в зависимости от влияния на основного политического посыла.

К началу XXI века, со времен эпохи великих географических открытий, картография в целом и политическая картография в частности претерпели существеннейшие изменения во всех трех формах своего существования.

1) Как наука об отражении и познании явлений природы и общества посредством карт картография становится все более нелинейной. Картографы прошлых веков считали, что все в мире можно измерить, классифицировать и каталогизировать. С концом колониальной эпохи ситуация существенно образом изменилась. Вчерашние колонии и новые национальные государства кроют и перекраивают карты и атласы. Результат — растущая неопределенность, нелинейность при которых вероятность событий трудно предсказуема, поскольку в усложняющемся мире масштабные последствия может вызвать даже небольшое изменение отдельного параметра.

2) Как отрасль производства, выпускающая картографическую продукцию «основное развитие картографии в 1990-е годы оказалось связано с драматическим возрастанием роли Интернета в распространении карт...» [5].

3) Как область техники и технологии создания и использования картографических произведений, картография стала меняться уже с появлением аэрофото и спутниковой съемки. Своего рода революцией стали компьютерные технологии и возможности. Яркий пример — Map Maker от Google, — фактически дающий возможность каждому желающему внести свой вклад в картографию (посредством заложения информации о любом месте, где бывал и не был и т.д.). Появился и т.н. общинный слой (Community Layer of Google Earth) — нечто вроде виртуальных «булавок», которыми можно отмечать на картах те или иные места [4].

Вместе с новым инструментарием появились и новые, неизвестные ранее в картографии проблемы. В теоретическом плане это слишком вольное оперирование весьма взрывоопасной в политическом смысле символической маркировкой картографическими методами «этно-конфессиональных пространств». В научно-практическом — возможность не менее вольного подхода к математической основе картографической продукции.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ОСНОВА карт и атласов в рамках пропагандистско-идеологического подхода и использования картографии в политических целях зачастую весьма поверхностна, условна и далека от совершенства. Как правило, в данном случае даже с точки зрения визуального ряда, уместнее говорить о идеологизированных схемах, а не политических картах в строгом научном смысле, предполагающем четкий масштаб и проекцию, привязку к географической сетке координат и прочие атрибуты картографической компоновки. Используемые в них схематизирующие реальность модели принципиально дефектны и потому с определенного момента превращаются в недействительные и разрушительные.

О том, насколько существенно их влияние в политическом смысле свидетельствуют, помимо прочего, протесты отдельных государств против своевольной трактовки их границ, связанные с математической основой карт всемирно известного сервиса Google maps. Пример — в феврале 2010 года компания Google получила резкое официальное письмо из посольства Камбоджи. В нем было вы-

ражено возмущение сервисом Google maps из-за того, что на карте Google граница между Камбоджей и Таиландом, «искажает правду и действительность, и является профессионально безответственной». Камбоджа потребовала, чтобы компания «отозвала очень плохую и международно-непризнанную карту» и заменила её другой [3].

В целом идеологизированные карты-схемы являются инструментом:

А) политической пропаганды, поскольку обеспечивают визуально-символическое подкрепление политических притязаний на территорию и «справедливые» границы;

Б) идеологического легендирования посредством символического формирования и идентификации социума в пространственном (географическом) и временном (историческом) аспектах.

ЛЕГЕНДА КАРТЫ и суть ее идеологизации, как метод политико-идеологического воздействия заключается в следующем. Посредством легенды (условных знаков, текстовых пояснений и т.д.) пользователю доводится необходимая политическая установка, дающая необходимое, политически выверенное представление об отраженном на карте. Это может быть версия исторического либо географического сюжета, выполненная текстуально и/или графически (посредством трактовок и комбинаций графики и цвета). Зачастую данный метод идеологизации легендирования карт используется в картографии военно-политических конфликтов, сама форма трактовки которых всегда субъективна и отражает политический интерес сторон в исторической и географической плоскостях.

Временной (исторический) аспект. Основной метод в данном случае — избирательность или отбор информации. В рамках пропагандистско-идеологического подхода (в отличие от информационно-географического), отбор информации осуществляется с политико-идеологической, а не с научно-исследовательской целью. Отбор отражаемой информации непосредственным образом влияет на тематическое содержание карты и атласа (и наоборот) благодаря неизбежным:

- обобщениям;
- искажениям;
- упрощению.

Визуально избирательность может быть закамуфлированной либо выраженной, например, с помощью «белых пятен». Содержательно она может иметь место благодаря наложению на одну карту разных по времени исторических сюжетов и субъектов. С помощью этого метода можно, например, отразить как единое целое территорию, никогда не бывшую в пределах заявленной юрисдикции либо, наоборот, политически фрагментировать единое географическое пространство.

Де-факто речь идет о конструировании (деконсолидации) непрерывного этно-национального мейнстрима, предполагающего наличие некоего меняющегося, но при этом остающегося устойчивым «фокуса идентификации». Как следствие,

нам навязывается видение прошлого и желаемого будущего посредством политических и идентификационных границ и предпочтений настоящего.

Пример — выпущенная в начале 2009 года настенная карта «Соборная Украина» на которой отображены следующие «украинские этнические земли, которые в 1919 году были в составе Украины»: Кубань, Ставрополье, Черноморщина, Восточная Слобожанщина, Старобущина (ныне в составе России), Берестейщина и Гомельщина (ныне в составе Белоруссии), Холмщина, Подлясье, Надсянье, Северная Лемковщина (Польша), Северная Лемковщина (Словакия), Мармаровщина, Южная Буковина (ныне в составе Румынии), Приднестровье.

Пространственный (географический) аспект. Основной прием в данном случае связан с использованием текстовых пояснений, условных знаков и прочей атрибутики. Наглядный пример — «проблема Южно-Курильских островов» [3]. На японских картах сервиса Google maps эти острова подписаны кириллицей и кандзи — иероглифами, как географические объекты в Японии. Острова, на которые Япония не претендует, а также Сахалин, подписаны кириллицей и катаканой — слоговым алфавитом, используемым только для заимствованных слов или иностранных географических объектов. Названия спорных островов те же, что и на кириллице. Государственные границы по морю на картах не обозначены. Отличие спорных с точки зрения японцев территорий ещё и в том, что если на Сахалине и Камчатке населённые пункты подписаны, то на географических картах островов населённые пункты не указаны, хотя они хорошо видны на спутниковой версии карты.

В техническом плане эффект на карте достигается с помощью монотонной штриховки либо ярких цветов. Монотонность на современных политических картах, как правило, отражает единство политического управления социумом. В том числе даже там, где оно возможно только в перспективе. Яркость и выраженность тонов демонстрируют обратный эффект. Цели:

- очертить пространство власти и администрирования;
- обозначить и максимально выразить границы «исторически устойчивого» суверенитета и права коллективной собственности;
- отразить пределы этнического ареала доминирования.
- Одновременно фактически как бы затушевывается:
- многоаспектность и многомерность суверенитета;
- наличие прочих субъектов, претендующих на те же права;
- проблематичность и неоднозначность подобных прав на соответствующих территориях.

С одной стороны цветовая монотонизация этнических границ способна постулировать и создавать цельную политическую идентичность даже там, где ее не было. Такой картографический продукт, как, например, карта этнического расселения разделенного политическими границами народа, позволяет зафиксиро-

вать в единстве цвета, как бы поверх этих границ, единство ареала расселения. Несовпадение этнических и политических границ открыто для противоречивых трактовок, не всегда выгодных в политическом отношении, обычно игнорируют либо специфически преодолевают, визуально «распространяя» пределы этнического расселения вплоть до существующих в данный момент административных/ политических границ [2].

С другой стороны, с помощью яркого расцветивания определенных территорий на фоне остального монотонного пространства, можно:

- неформально обозначить территориальные претензии;
- подвести обоснование под сепаратистские устремления.

Прием, используемый в первом случае — через этническую атрибуцию территории посредством легенды (например, через трактовку пределов как границы территорий компактного расселения этноса) неявно сообщается об ареале расселения этноса как пространстве коллективной этно-политической собственности.

Прием, используемый во втором случае — изображение ареалов многоплеменного этнического расселения в стилистике картографического отражения политических образований. Зачастую он имеет место в исторических картах и атласах «безгосударственных» этносов. Цветовая проработка дополняется тщательным картографированием границ этнического расселения, как бы возмещающими отсутствие четких политических границ и выступающими в их роли. Де-факто лингвистическая карта в таком случае выступает в роли политической, где цвет штриховки отражает не столько культурную, сколько политическую сакральность.

Вывод: политическая картография не просто определяет политический ландшафт и структуру пространства, но, с течением времени, все больше и больше формирует их и становится активным организатором картографируемого политико-географического пространства, способствуя установлению более полного политико-административного контроля над ним.

Берлянт А.М. *Картография* / А.М. Берлянт. — М.: Аспект Пресс, 2002. — с. 21.

Цуциев А. *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004)*. М.: «Европа», 2006. — 128 с.

Дорфман М. *Политическая картография Google maps* / М. Дорфман [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/19445.html>. — Дата доступа: 27.04.2012.

Google Earth Community Layer / [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: http://www.gearthblog.com/blog/archives/2005/08/keyhole_communi.html. — Дата доступа: 30.04.2012.

Paterson M. *The Web and Ethics in Cartography* / М. Paterson [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://maps.unomaha.edu/MP/Articles/WebEthics/Ethics.html>. — Дата доступа: 30.04.2012.

